

Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества*

Олег Кильдюшов

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

В статье рассматривается проблема социального порядка или вопрос о том, как возможно современное общество, состоящее из множества рациональных акторов, следующих свои частные интересы и часто имеющих противоположные цели. Показывается, что данная проблема, вошедшая историю мысли как «Гоббсова», давно находится в центре социально-научного дискурса: впервые в общем виде ее еще в 1651 году поставил Томас Гоббс в своем «Левиафане». Отмечается, что его решение проблемы порядка, заключающееся в признании необходимости учреждения доминирующей политической инстанции, т. е. государства, способного поддерживать стабильность общественных отношений, вызвало интенсивные теоретические дебаты, которые продолжаются до сих пор. Фиксируется, что социальными мыслителями было предложено множество вариантов ответа на Гоббсов вопрос, но ни один из них не является окончательным или исчерпывающим — именно в силу конститутивного характера проблемы социального порядка для самого дискурса Модерна. В работе предпринимается попытка реконструировать различные теоретические и методологические подходы к данной теме, начиная с варианта решения самого Т. Гоббса, включая формулировку Т. Парсонсом и заканчивая аналитическими концептами порядка, разработанными современными социальными теоретиками разных направлений. Показано, что в социальных науках устойчивый интерес к Гоббсовой проблеме характерен прежде всего для утилитаристской традиции, пытавшейся объяснить возникновение порядка из индивидуальной калькуляции выгоды отдельными акторами. Отдельно критически рассматривается «нормативный» вариант решения проблемы социального порядка, объясняющий общественную интеграцию посредством совместно разделяемых норм и ценностей. Делается вывод о том, что перевод старой проблемы классической политической философии Нового времени на язык актуальной социальной теории позволяет еще раз проблематизировать эвристические основания дискурса политической современности путем операционализации ее центрального понятия.

Ключевые слова: социальный порядок, теория общества, регулярность социального действия, общественная интеграция, Модерн, Томас Гоббс, Талкот Парсонс, Макс Вебер

© Кильдюшов О. В., 2016

© Центр фундаментальной социологии, 2016

DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-122-149

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Дружба, доверие и конфликт: основные категории описания социальной жизни», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2016 году.

Проблема порядка как структурная проблема Модерна

Вопрос о причинах возникновения, стабильного существования и возможного краха социального порядка относится к базовому эвристическому репертуару человеческого мышления. При определенной аналитической оптике попытки тематизировать феномен регулярности социального действия, превращающей хаос аномии в устойчивые общественные структуры, можно обнаружить чуть ли не во всех значимых интеллектуально-духовных традициях¹. В некоторых из философских дискурсов проблема порядка — иногда в латентном виде — даже является исходным, конститутивным элементом, особенно в те исторические моменты, когда в результате политических кризисов она из чисто теоретической превращается в жизненную проблему того или иного общества². В этом смысле вся история социально-политической мысли предстает как история представлений о порядке, которые, в свою очередь, являлись дискурсивной реакцией на процессы возникновения и распада конкретно-исторических социальных и политических порядков³. При желании можно также увидеть определенный изоморфизм политической борьбы за порядок и борьбы научно-теоретической за дискурсивную гегемонию: в такой оптике история общественной мысли есть история перманентной борьбы конкурирующих концептов порядка, поскольку любой эмпирический порядок может быть относительно легко проблематизирован и делегитимирован (Anter, 2007: 1–8).

В первую очередь это касается современной социальной теории, для которой возможность поддержания стабильности политического и общественного порядка представляет основополагающую проблему дискурса Модерна, остро вставшую в Новое время в условиях исторически относительно резкого распада традиционных структур господства, сопровождаемого ужасами гражданских и религиозных войн⁴. В этом смысле столь же конститутивным, сколь и травматическим для политической Современности является опыт регулярной дестабилизации обществ в результате того, что акторы современного типа, т. е. атомизированные эгоистические индивиды, преследуя свои частные (групповые) интересы, разрушают инсти-

1. Именно этому посвящен масштабный веберовский проект сравнительной социологии мировых религий (Weber, 1988[1920–1921]).

2. Ниже еще будет сказано о том, что «проблема порядка» стала восприниматься в первую очередь как «Гоббсова проблема» под влиянием Парсонса, хотя давно написаны работы, в которых понятие «порядок» анализируется в качестве центрального вопроса всей политической философии. Например, см.: Barth, 1958. В более новых исследованиях эта топика также перестает быть исключительным доменом вольнодумца из Малмсбери, поскольку попытки его решения можно найти у Локка, Руссо, Маркса и даже Фрейда (Wrong, 1994).

3. Некоторые авторы идут еще дальше, утверждая, что «история понятия порядка столь же длительна и распространена, как и само человечество, и так же сложна, как сами науки и искусства» (Kuntz, 1968: XII).

4. В новейшей литературе топика социального порядка определяется как центральная для социальных наук (Gerecke, 1998: 1).

туциональные основы координации и регуляции социального действия, ставя под вопрос саму возможность общественного порядка в условиях Модерна⁵.

Впервые в радикальном теоретическом виде проблема порядка была поставлена задолго до возникновения современной социальной философии и теоретической социологии — еще в середине XVII века классиком политической мысли Нового времени Томасом Гоббсом в его знаменитом «Левиафане». Несмотря на такую значительную временную дистанцию, различные аспекты проблемы социального порядка, понимаемого в веберовском смысле как агрегированный результат регулярных социальных отношений (Вебер, 2006бб: 473), по-прежнему сохраняют релевантность для социально-теоретического анализа процессов, протекающих в обществах современного типа. Т. Парсонс в своем первом крупном труде «Структура социального действия» назвал проблему порядка «Гоббсовой»⁶, теоретически специфицировав размышления классика в форме мысленного эксперимента на тему войны всех против всех в качестве структурной проблемы социальной теории модерна. Таким образом, строго говоря, «Гоббсова проблема» была сформулирована вовсе не английским политэмигрантом в Париже в 1651 году, а американским теоретиком структурного функционализма в Гарварде в 1937, тем не менее она заслуженно носит имя Гоббса, поскольку именно он, исходя из своего реалистического («пессимистического») взгляда на человеческую природу («негативной антропологии») впервые в столь артикулированной форме поставил вопрос об условиях возможности социальной жизни по ту сторону всякого нормативизма, характерного для предшествующих модусов описания человеческих обществ⁷.

В дальнейшем проблематика порядка исследовалась прежде всего в рамках британской ранней теории институтов и моральной философии, включая работы таких крупных мыслителей, как Джон Локк, Дэвид Юм, Адам Фергюсон и Адам Смит. Более того, созданные в XVII и XVIII веках вслед за Гоббсом теории общественного договора в версиях Джона Локка (Локк, 1988: 135–406), Жан-Жака Руссо (Руссо, 2013) и Иммануила Канта (Кант, 1994: 158–204) могут пониматься в качестве попыток обоснования в условиях краха традиционных феодальных структур господства нового общественного порядка, который опирается не на «вечные» иерархии сословного общества, а на типично современную свободу решений рациональных акторов. Таким образом, концептуальный вызов Гоббсовой проблемы для социально-политической мысли Модерна заключается в необходимости по-

5. Ранний исследователь творчества Т. Гоббса Фердинанд Тённис отмечал среди заслуг классика точность его социального диагноза новой эпохи, зафиксировавшего «приближение коммерческого общества, дикой конкуренции и капиталистической эксплуатации. Его выражения „человек человеку — волк“ и „война всех против всех“ часто используются для описания этого состояния внутри современных государств» (Tönnies, 1896: 225).

6. Он маркирует *the problem of order* как *the Hobbesian problem* и констатирует, что она не только не была удовлетворительно решена, но и — «как часто бывало в истории мысли — беспечно игнорировалась и скрывалась за имплицитными допущениями» (Parsons, 1949[1937]: 94).

7. Ср.: «Гоббс почти полностью лишен нормативного мышления. Он не устанавливает идеала, которому необходимо следовать, а просто исследует предельные условия социальной жизни» (Parsons, 1949[1937]: 89).

мыслить общество индивидов, что до сих пор представляет сложно разрешимую теоретическую проблему, связанную с переходом с микро- на макроуровень анализа (генезиса) социального. Ответ классиков также связан с необходимостью концептуализации конкурентной общественно-экономической ситуации Нового времени, характерными чертами которой назывались неограниченное преследование эгоистических интересов в рамках всеобщей борьбы за власть и экономические ресурсы в обществах ранней Современности, уже освободившихся от традиционных скреп, но еще не выработавших новых институциональных оснований для упорядочивания социального действия (Münch, 1999: 26).

Кант перевел проблему порядка на язык своей критической философии, предложив собственную трактовку Гоббсова вопроса. Он также анализирует замкнутую ситуацию действия, в которой акторы независимо друг от друга пытаются преследовать свои частные цели, в результате чего достижение цели одними исключает успех действий для других. Предложенное им решение предполагает признание пределов эгоистических стремлений и введение на определенном уровне взаимодействия четкой критериальной базы в виде универсальных принципов, которые способны стать общезначимым основанием для оценки рациональности индивидуальных действий. При этом кантовское решение проблемы порядка сугубо формально и заключается в требовании всеобщего одобрения правил в соответствии с максимой категорического императива. Лишь в этом случае правила могут сохранять значимость в течение продолжительного времени и не зависеть от постоянно меняющихся целей, средств и условий. При этом остается вопрос, как от постулированной таким образом идеальной формы порядка социального взаимодействия перейти к конкретным нормам, полностью согласуемым со свободой отдельных людей. Не менее остро для кантовского идеализма встает проблема конформного поведения индивидов в отношении конкретных норм, устанавливаемых политической властью, и проблема легитимности сопротивления ей: моральные принципы и легальный порядок оказываются в конечном счете разделены⁸. Гегель пытался разрешить эту дилемму через объединяющую их идею нравственности, получающей конкретное выражение в государстве: устанавливая и поддерживая существующий порядок, оно превращает универсально значимые, но бессодержательные моральные принципы в конкретные правила поведения (Гегель, 1990).

Социально-философские, социологические и экономические теории действия XIX–XX веков, возникшие в рамках методологического индивидуализма, рассматривали порядок как социальный эффект, возникающий в поле напряжения между рамкой внешнего общественного принуждения и внутренней индивидуаль-

8. Первые представляют собой стандарт, на который законы государства и правила общественного взаимодействия должны ориентироваться, хотя они всегда будут отклоняться от идеала в большей или меньшей степени. Таким образом, конкретный порядок, по Канту, основан на комбинировании категорических и гипотетических норм, т. е. на комбинировании идеального и позитивного элементов (Münch, 2004: 51; Кант, 1994).

ной свободой: устойчивые структуры и регулярности социального действия суть результат рациональных решений принципиально свободных акторов, которые сами обеспечивают интеграцию общества посредством институтов, т. е. признаваемых правил взаимодействия. В этом смысле Гоббсова проблема — это «проблема социального порядка *par excellence*» (Корбут, 2013: 10). Вся следующая за «Левиафаном» интеллектуальная традиция может быть понята как попытка решения ключевой для индивидуализирующего Модерна проблемы стабильности общественного порядка. Более того, есть все основания считать, что ключевые понятия современности являются понятиями порядка: «государство», «право», «конституция», «суверенитет» и даже «политика» содержательно, на уровне семантики, и структурно, как определенный тип дискурса, несут в себе аспект упорядоченного социального действия. Поэтому начиная с Нового времени любая социально-политическая теория в том или ином виде отвечает на вопрос о порядке, несмотря на различия в том, легитимирует ли она его или проблематизирует, рассматривает ли в эмпирическом или нормативном аспектах. Ведь невозможно представить политическое сообщество или социальную группу, не имеющих никаких более или менее отчетливых структур порядка, даже если в качестве их цели заявляется их разрушение⁹. Несмотря на всю рискованность экспликации существующих отношений господства и подчинения, порядок есть телос политического¹⁰.

Проблема порядка относится к ключевым вопросам социальной онтологии, теоретическая тематизация которой стала важнейшей задачей современной социальной науки с самого момента ее институционализации в качестве отдельной области знания об обществе современного типа. Вопрос «Как возможен социальный порядок?» приобретает особую остроту благодаря специфическому для Нового времени стилю научно-аналитической рефлексии, став для той же социологии типичной формой систематической проблематизации своего основного предмета и собственной теоретической интеграции в качестве новой отрасли общественных наук (Eisenstadt, Curelaru: 1976).

Впоследствии решение Гоббсовой проблемы осуществлялось отдельными социально-научными дисциплинами на разных уровнях, с применением своей собственной специфической исследовательской оптики: и как эмпирический анализ существующих форм общественного порядка в рамках политологии, и как реконструкция представлений о порядке в рамках истории идей, и как собственно теория общества в рамках традиционной практической философии или теоретической социологии. В этом смысле социальная и политическая теория Модерна может рассматриваться как наука о порядке — в духе Эрика Фегелина, у которого

9. Здесь можно вспомнить «железный закон олигархии» Роберта Михельса, зафиксировавшего устойчивое воспроизводство структур господства даже в организациях, для самописания которых характерно идеалистическое целеполагание и эмансипаторный пафос, например, в немецкой социал-демократии начала XX века (Michels, 1970).

10. Герман Геллер выразил это обстоятельство в удачной формуле, согласно которой целью любой политики является «порядок ради порядка» (Heller, 1992: 433).

понятие «порядок» присутствовало в качестве программного в названии его *opus magnum* (Voegelin, 1988, 2001–2005, 2004).

Такой подход позволяет в несколько ином свете прочесть западную интеллектуальную традицию последних нескольких веков, из которой данное понятие никогда не исчезало полностью, несмотря на частые изменения конъюнктуры философской и социологической топики. Пик эксплицитного интереса к проблематике порядка пришелся, видимо, на 1960-е годы, когда этой теме были посвящены сразу несколько крупных научных форумов и вышел ряд публикаций ведущих социальных теоретиков. В качестве примера можно привести VI Немецкий философский конгресс 1960 года, обсуждавший тему «Проблема порядка». В сборник его материалов вошли тексты Ганса-Георга Гадамера, Ганса Блюменберга, Германа Люббе, Юргена Хабермаса и Карла-Отто Апеля (Kuhn, Wiedmann, 1962). Также можно указать на прошедший позднее в США междисциплинарный конгресс, в сборнике материалов которого были опубликованы статьи Толкотта Парсонса, Эрика Фегелина и др. (Kuntz, 1968).

Среди крупных мыслителей, эксплицитно обсуждавших вопрос «Как возможен социальный порядок?», можно назвать изобретателя термина «социология» Огюста Конта (Конт, 2011), того же Парсонса (Parsons, 1968) и Никласа Лумана (Luhmann, 1981). При этом статус Гоббсовой проблемы в систематических построениях старых и новых классиков социологии различен: в качестве конститутивного вопроса социальных наук она может относиться и к исходным моментам общей социологии, и к теории общества как таковой (Wrang, 1994: 7). Однако сама регулярная тематизация проблематики порядка в западной социально-философской и социологической литературе подтверждает ее сохраняющуюся значимость для социальной теории, что справедливо отметил Рихард Мюнх в своем обзоре ряда релевантных работ (Münch, 1996: 127–133).

В истории мысли предпринималось множество попыток синтезировать различные элементы аргументации. Например, «волютаризм» самого Парсонса был основан на идее синтеза идей позитивизма и идеализма при решении проблемы порядка. Также можно заметить структурную схожесть позиции кантовского идеализма с теорией коммуникативного действия Ю. Хабермаса: порядок есть результат действий, осуществляемых в пространстве между коммуникациями жизненного мира и рациональным оправданием норм в качестве результата дискурсивного процесса; рационально достигаемый консенсус является критерием значимости норм (Münch, 2004: 51).

Понятно, что подобные попытки ответа на концептуальный вызов Гоббса осуществлялись в рамках социально-философских и социологических подходов, сильно отличающихся не только используемым аналитическим инструментарием, но и самим пониманием поставленной проблемы. Не в последнюю очередь это связано со свойствами предмета исследования — его многозначностью, невозможностью строгого определения, укорененностью в различных научных и обыденных контекстах и т. д. Ведь понятие «порядок» не является эксклюзивным

предметом науки об обществе, а занимает столь же важное место в экономической науке¹¹ и праве, прежде всего учении о конституции¹².

В собственно социальных науках устойчивый интерес к Гоббсовой проблеме характерен прежде всего для утилитаристской традиции, теории действия, теории игр или теории рационального выбора и других сходных подходов. Уже во второй половине XX века корпус подобного рода «ответов Гоббсу», т. е. эксплицитных попыток теоретической проблематизации социального порядка, стал настолько объемным, что возникла потребность в их классификации (Alexander, 1982: 90–112).

При всем многообразии факторов, которые тот или иной теоретик брал за основу своей экспликации феномена порядка¹³, общим для всех подходов является рационализация лояльного поведения в духе «дилеммы заключенного», в рамках которой именно кооперативная стратегия, а не рациональный эгоизм максимизации собственной выгоды обеспечивает оптимальный результат (Kersting, 2002: 118–126). В этом смысле Гоббсова контрафактическая аргументативная рамка *bellum omnium contra omnes* открывает эвристическое пространство возможностей для типично современных стратегий экспликации и легитимации причин признания и поддержания социального порядка, использующих различные формы инструментальной и стратегической рациональности. Данное обстоятельство может служить еще одним, структурным, объяснением сохраняющейся актуальности поставленного им вопроса о возможности общества как такового, несмотря на всю неудовлетворительность его собственного ответа¹⁴.

Гоббсово решение Гоббсовой проблемы: попытка реконструкции

В античности и Средневековье вопрос порядка решался трансцендентным образом, т. е. посредством нормативных понятий практической философии, отсылкой к божественному установлению или вечной традиции сословного деления. Социальный порядок чаще всего воспринимался как данность, не требующая включения самих индивидов в эвристическую рамку его осмысления и легитимации. В этом смысле интеллектуальное предприятие Томаса Гоббса представляет со-

11. Прежде всего — институциональной экономике (Leipold, 1989: 129–146; Feldmann, 1999; Leipold, Pies, 2000).

12. См. признанную классической работу Конрада Хессе, на которой выросло несколько поколений послевоенных немецких конституционалистов (Hesse, 1999).

13. Перси Коэн выделил четыре основных типа объяснения: принуждение, интересы, ценностный нормативизм и культурная инерция (Cohen, 1968: 18–33).

14. По сути, предложенное самим Гоббсом политико-институциональное решение проблемы гарантий соблюдения правил кооперации в виде монструозной конструкции «Левиафана» представляет собой отказ от разработки философии общества в пользу философии государства: прагматико-теоретически его аргумент направлен на доказательство того, что для только (пере)учреждения государства способно восстановить социальный порядок, который отныне совпадает с порядком государственным. Подобная политизация или этатизация социального типична для Модерна, в рамках которого общество понимается как результат политического, что лучше всего выражается в таком понятии, как «социальная политика».

бой существенный разрыв с двухтысячелетней традицией политической мысли (Münkler, 2001: 9). Его подход являлся инновацией не только в содержательном, но и в методологическом отношении, поскольку конструируемая им в рамках мысленного эксперимента модель перехода от *status naturalis* к *status civilis* служит в качестве идеального типа социального порядка в веберовском смысле, т. е. исключительно как эвристическое средство, а вовсе не способ описания реальности или реконструкции исторического развития.

В «Левиафане» выдвигается следующий аргумент: все индивиды суть рациональные эгоисты, преследующие собственную выгоду и способные в определенных условиях отсутствия и слабости институтов (правил) использовать для ее достижения средства, которые могут дестабилизировать всю рамку социального взаимодействия. В результате через агрегацию индивидуальных некооперативных стратегий на макроуровне осуществляется коллективный субоптимальный выбор. Тем самым Гоббс интегрирует старую утилитаристскую традицию с новым критическим способом социально-научной рефлексии обществ Модерна. Ведь в рамках его знаменитой конструкции именно стремление к максимизации выгоды приводит вчерашних участников войны всех против всех к признанию необходимости институционального решения проблемы порядка, т. е. к учреждению структурного гаранта соблюдения правил социального взаимодействия. Несмотря на значительные издержки, связанные с подобным решением, т. е. с существованием государства и всего его аппарата легитимного принуждения, оно не имеет реальных для социальной практики альтернатив (если не рассматривать в качестве таковой чистой оптимум *свободного кооперативного поведения всех*). Таким образом, Гоббсово политическое решение проблемы порядка потенциально содержит в себе в зачаточной форме дискурсивные элементы различных последующих способов проблематизации типично современной ситуации постоянного смещения баланса власти в треугольнике индивид—общество—государство¹⁵. В любом случае до сих пор теоретически небанальным, даже контринтуитивным и потому политически проблематичным является тезис классика о том, что индивидуальная стратегия максимизации собственной выгоды невозможна без фактического признания структурной необходимости институционального принуждения к соблюдению правил, включая неизбежность санкций в отношении их нарушителей. Как показал Гоббс своим мысленным экспериментом, социальный порядок в эпоху Модерна принципиально проблематичен по целому ряду причин, сущностно связанных с качествами той специфически современной социальности, что возникла в Новое время в Европе, а затем получила универсальное значение (Вебер, 2006а: 7). Неэффективность традиционных способов социальной интеграции и координации, принципиальная невозможность реставрации ценностного консенсуса, структурный характер всеобщей конкуренции за ограниченные ресурсы, высокие издерж-

15. Неудивительно, что Гоббс стал постоянным раздражителем для многих политико-дискурсивных традиций, оформившихся впоследствии в качестве идеологий — вроде либерализма, социализма и т. д.

ки гаранта порядка (Левиафана) — эти и многие другие аспекты Гоббсовой версии решения Гоббсовой же проблемы по-прежнему являются предметами острых социально-теоретических, политико-научных да и просто общественно-политических дебатов. Вряд ли этот интерес к ним когда-нибудь радикально ослабеет, поскольку речь идет о базовых, конститутивных проблемах самой современности как политического проекта, основанного на принципе индивидуальной свободы.

Выявленная Гоббсом принципиальная конфликтность общественного состояния в условиях, когда акторы могут свободно выбирать цели и средства их достижения, сохраняет свою теоретическую релевантность для описания любых ситуаций, когда позитивные опции для достижения целей одних акторов оказывают негативное воздействие на других, выступающих в качестве их прямых конкурентов за те же ограниченные материальные и символические ресурсы, или даже в качестве экстерналий на третьих лиц, не вовлеченных в борьбу непосредственно, но несущих ее издержки. Совместное договорное решение в пользу индивидуального или коллективного суверена обеспечивает учреждаемому Левиафану трансцендентный статус инстанции монополии на легитимное насилие, устанавливающей правила социального действия и санкционирующей их соблюдение. Таким образом, несмотря на частые обвинения в идеологическом оправдании разнообразных мер принуждения и контроля в отношении индивидов со стороны нововременного государства, аргументация Гоббса строится именно на экспликации частных интересов свободных индивидов, рационально договаривающихся о передаче как ресурсов насилия, так и самих прав на самозащиту центральному гаранту, предлагающему оптимальную опцию для достижения соответствующих индивидуальных целей. Ведь в исходной ситуации *status naturalis* невозможно никакое долгосрочное планирование и предсказание результатов взаимодействия, кроме взаимного подозрения контрагентов в готовности прибегнуть к силе и обману. Угроза его рецидива приводит Гоббса к логически непоследовательному и политически проблематичному требованию от индивидов лояльности к существующей государственной власти, пока та способна поддерживать стабильность рамочного порядка. Перспектива нового распада хрупкого пространства доверия и предсказуемости действий оказывается для него важнее постулируемой здесь же свободы индивида выбирать оптимальные средства достижения целей, формулируемых исключительно на основе субъективных предпочтений как основополагающем принципе обществ современного типа. В этом смысле Гоббс при решении проблемы порядка постоянно меняет аналитическую перспективу, неожиданно переходя от концепта спонтанного к навязанному социальному порядку, основанному на принципиально противоположных основаниях — свободном решении индивидов и принуждении со стороны всемогущего государства к дисциплинированию и контролю соответственно¹⁶.

16. Эти оба парадигматических решения проблемы порядка возникли очень рано, уже в первой половине XVIII века концептуально оформившись в две мощные интеллектуальных традиции, теоретически релевантные для анализа актуальных социальных процессов в обществах Модерна: утопия

Как показал Парсонс, «слишком оптимистическая» попытка Гоббса с помощью утилитаристской оптики объяснить возникновение порядка из индивидуальной калькуляции выгоды отдельными акторами неизбежно приводит к неразрешимой дилемме разрыва социального действия между аспектами свободы и принуждения: порядок как спонтанный результат экономического расчета свободных индивидов, действующих в условиях рыночной конкуренции, является случайным, контингентным и неустойчивым. Поэтому даже либеральная позиция всегда была вынуждена вводить элемент структурного принуждения со стороны государства, необходимого для эффективного надзора за соблюдением в обществе правил взаимодействия (Münch, 2004: 46–47).

Гоббсу и другим классикам теории общественного договора раннего Модерна впервые удалось выявить типично социологическое проблемное поле, связанное с концептуализацией условий конституирования социальности современного типа, основанной на дуализме индивидуальной свободы акторов и структурного ограничения свободы индивидуальных решений. Методологическим основанием для них стала, говоря словами Парсонса, волюнтаристская теория действия, исходящая из специфически современных антропологических представлений о социальном агенте как свободном и рациональном эгоисте. В результате смены аналитической оптики проблема порядка постепенно лишилась трансцендентного измерения (религиозного, традиционного, «естественного»), все больше превращаясь в социально-технический вопрос об условиях сохранения стабильности обществ и функциональности их нормативно-правовой сферы. В отличие от традиционных теологических или политико-философских подходов, индивидуалистическая программа концентрируется на предпосылках рационального признания легитимного порядка, конституируемого в результате действий принципиально свободных индивидов, преследующих частные цели (Maurer, 1999: 13–14).

Экспликация Т. Парсонсом проблемы социального порядка

Сложившаяся в XVIII и XIX веках утилитаристская традиция шла как бы по стопам Гоббса, но именно Парсонс в 1930-е годы поместил вопрос об общественной интеграции в центр своих социально-теоретических построений: для него проблема социального порядка, или, говоря его собственным языком, проблема стабильности социальной системы проходит красной нитью через все фазы развития его теории. Именно этот проблемный комплекс стал эвристической основой как

спонтанного порядка, впервые эксплицитно разработанная в рамках британской моральной философии, и дискурс навязанного порядка прусской полицейской науки. Эти альтернативные решения являются дискурсивными инвариантами, которые устойчиво воспроизводятся в том или ином виде в различных социально-теоретических традициях до сих пор, причем часто в наивно-имплицитной форме. Это обстоятельство придает исследованию проблемы порядка дополнительную историко-понятийную актуальность. Реконструкцию концепта непреднамеренного социального порядка, предложенного представителями ранней теории институтов, см., например, в нашей работе: Кильдюшов, 2007. О традиции *Polizeiwissenschaft* см.: Филиппов, 2011, 2012; Кильдюшов, 2013, 2014.

его «волюнтаристской» теории действия, так и теории систем, поскольку и «волюнтаризм», и знаменитая схема AGIL исходят из старого вопроса об условиях сохранения общественного и политического порядка. Как справедливо заметил современный исследователь, Парсонс «может считаться социологом социального порядка» (Abels, 2004: 136).

При этом интерес Парсонса к проблеме порядка довольно специфичен: он практически не затрагивает вопрос генезиса социального, ограничиваясь исключительно аспектами поддержания системной стабильности, получившей у него относительно простое теоретическое решение: при выполнении четырех функциональных требований система остается стабильной, что обеспечивает поддержание социального порядка. Таким образом, в фокусе его внимания оказывается прежде всего то, что удерживает целостность общества и обеспечивает его дальнейшее существование.

Еще во время первой фазы своего научного творчества он разработал концептуальные основания общей теории действия. При этом он обнаружил лакуны в господствовавшей тогда утилитаристской парадигме, в рамках которой действие интерпретировалось как результат рационального выбора эгоистически мотивированных социальных агентов. Как показали отцы-основатели социологии (прежде всего Дюркгейм, Зиммель и Вебер), выбор акторами целей индивидуального действия формируется на основе совместно разделяемых нормативных ориентаций. Поэтому, в отличие от классического утилитаризма, действие индивида у Парсонса (вслед за Т. Х. Маршаллом) не просто направлено на максимизацию собственной выгоды, но обусловлено широким ценностным консенсусом («integrated value system, common to large numbers») (Parsons, 1949[1937]: 704). Таким образом, разработанная им версия «волюнтаристской» теории действия опирается на те же предпосылки, что и утилитаризм, поскольку для обоих подходов исходным моментом является модель рационального эгоиста, действие которого есть применение определенных средств для достижения различных целей с учетом данностей ситуации. Однако Парсонс идет дальше и дополняет анализ социального порядка проблематикой нормативного, поскольку ориентация индивидуального действия на надситуативные нормы, а не просто преследование обусловленных ситуацией целей придает совершаемому актором выбору именно нормативный, а не чисто целерациональный характер. Тем самым он переводит свою теорию действия на системно-теоретический уровень, формулируя собственно то понятие социальной системы, которое является сегодня общеупотребительным (Schimank, 1996: 83–84; Brock, Junge, Krähnke, 2002: 202; Abels, 2004: 225–227).

При решении проблемы порядка Парсонс изначально ориентировался на формулировку Гоббса и предложенное им решение, которое в упрощенном виде заключается в добровольном признании индивидами доминирующей инстанции (государства), способной гарантировать сохранение социального порядка путем угрозы и — в случае необходимости — реального применения санкций в отношении его нарушителей. Классик структурного функционализма рассматривал

модель Гоббса как чисто утилитаристскую систему, в которой отсутствуют обязательные нормы и все акторы преследуют собственные цели, рационально выбирая наиболее эффективные средства их достижения. В рамках этой модели порядок конституируется на основе свободной реализации частных устремлений, принимая форму имевшего значительные интеллектуальные и идеологические последствия контринтуитивного тезиса о том, что в современном обществе нет иных интегрирующих сил, кроме эгоистических интересов, способных сближаться и взаимно дополнять друг друга. При этом Парсонс по многим причинам считал Гоббсово решение Гоббсовой проблемы скорее неудовлетворительным: он даже назвал его «самой фундаментальной эмпирической трудностью утилитаристского мышления» (Parsons, 1949[1937]: 91).

Он сомневается в возможности чисто рационального решения именно из-за хрупкости и неустойчивости социального порядка в предложенной Гоббсом конструкции, указывая на несовпадение постулируемого абсолютного государства и реально фиксируемых случаев распада порядка, видя в этом принципиальную ошибку утилитаристской аргументации, не способной дать адекватный ответ на вопрос об условиях интеграции общества (Parsons, 1949[1937]: 234).

Таким образом, дилемма утилитаризма заключается в невозможности конституирования социального порядка лишь на основе свободной кооперации автономных и рациональных индивидов, рациональность которых редуцирована к целерациональному, а происхождение самих индивидуальных целей не имеет удовлетворительного объяснения. Это приводит у Гоббса к поразительной нестабильности общественных отношений, колеблющихся между полюсами от свободного преследования акторами эгоистических целей в условиях фактической аномии до экстремальных по содержанию и интенсивности форм контроля и регуляции со стороны государства, между контингентной по сути спонтанностью и жестким внешним принуждением к порядку. Чтобы наглядно продемонстрировать аргументативную несостоятельность утилитаристско-позитивистского подхода, Парсонс проделывает с мысленным экспериментом Гоббса своеобразное *reductio ad absurdum*: он принимает посылки, характеризующие исходную ситуацию у Гоббса, аналитически реконструирует суггерируемое им решение, показывая его логическую непоследовательность (Schneider, 2002: 98).

В отличие от утилитаристской версии позитивизма, согласно которой рациональное преследование целей более или менее автоматически приведет к установлению устойчивого социального порядка, Парсонс использует оптику естественного состояния, заданную перспективой негативной антропологии Гоббса, в качестве решающего контраргумента: «Но такое состояние еще меньше соответствует желаниям людей, чем то, что знакомо большинству из нас. Говоря знаменитыми словами Гоббса, это состояние, в котором жизнь человека „одиока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна“» (Parsons, 1949[1937]: 90; Гоббс, 2001: 87).

Парсоновская эксплицитная формулировка вопроса о возможности социального порядка основана на деконструкции утилитаристской модели общества как

коллективного блага, возникающего в результате реализации акторами индивидуальных стратегий максимизации калькулируемой личной выгоды. Как показывает анализ Парсонса, ее слабым местом является высокая степень риска для так называемых моральных предпринимателей, которые своими действиями «авансом» структурируют для других акторов рамочные условия таким образом, что им становится выгоднее кооперировать. Также проблематичными являются издержки, связанные с созданием функционирующего аппарата санкций. Из самой модели не очень понятны мотивы для обладателей особенно мощных ресурсов насилия передавать их под контроль центральной инстанции порядка в отсутствие сил, способных угрожать им санкциями и тем более реально принудить к признанию вновь учреждаемого порядка. Парсонс констатирует отсутствие здесь убедительного решения проблемы перехода с микро- на макроуровень, говоря о *missing link* между последствиями рациональных действий индивидов и возникновением в результате их агрегации инстанции сильного государства. Ведь для признания рациональности заключения общественного договора акторы должны сменить собственную перспективу интерпретации ситуации, чтобы увидеть, что в их собственных долгосрочных интересах было бы отказаться от краткосрочной выгоды и делегировать собственные права суверену. Однако в рамках естественного состояния они должны постоянно опасаться того, что их конкуренты рационально предпочтут некооперативный вариант поведения в нарушение принципа *pacta sunt servanda* (Münch, 1999: 27).

Таким образом, социальный порядок у Гоббса скорее остается нестабильным образованием, которому постоянно угрожает возврат в прежнее состояние хаоса и аномии. Неразрешимой здесь остается проблема доверия, необходимого для того, чтобы договор функционировал практически, а индивиды действительно вели себя кооперативно и придерживались правил. Утилитаристская гипотеза возникновения порядка из чистой калькуляции выгоды оказывается излишне оптимистической, а сама конструкция рождающегося в результате договора Левиафана — неспособной объяснить генезис порядка из действий самих акторов (Münch, 2004: 46)¹⁷.

С другой стороны, установленный посредством общественного договора порядок обеспечивается впоследствии именно принуждением, т. е. угрозой применения санкций со стороны Левиафана. Это дает Парсонсу дополнительные основания сомневаться в долговечности данной конструкции, поскольку исторический опыт показывает недолговечность систем, основанных лишь на принуждении: как только ресурс структурного насилия и внешнего контроля ослабевает, октроированный социальный порядок тут же обрушивается. Напротив, более стабильными являются системы, обладающие в глазах затронутых индивидов той или иной мерой легитимности, т. е. верой в их законность, справедливость и т. д. Тогда воз-

17. Ср.: «Чисто утилитаристское общество является хаотичным и нестабильным, поскольку в отсутствие ограничений на применяемые средства оно должно было по природе вещей принять форму неограниченной борьбы за власть» (Parsons, 1949[1937]: 93–94).

никает вопрос — что может мотивировать акторов добровольно признать определенный порядок в качестве легитимного?

Парсоновский «нормативный» вариант решения проблемы социального порядка: интеграция посредством совместно разделяемых норм и ценностей

Знаменитый ответ Парсонса связан с центральным структурным элементом его теории действия — с посылкой о наличии в каждом обществе совместно разделяемых норм: «Нормативный порядок... всегда соотносится с существующей системой норм или нормативных элементов, будь то цели, правила или иные нормы» (Parsons, 1949[1937]: 91). Таким образом, он предлагает специфически социологическое решение проблемы порядка, утверждая, что именно эта интересубъективно значимая система ценностей делает возможным заключение и выполнение долгосрочных обязательств акторов друг перед другом, без чего непредставима никакая кооперация в качестве реалистической опции. Ведь если все субъекты социального действия будут преследовать лишь эгоистические цели, как полагает утилитаристская традиция, тогда общественная интеграция становится в принципе невозможной, поскольку автоматически возникает неразрешимая проблема их (рационального) недоверия друг к другу. Ведь их взаимные ожидания были бы настолько неопределенными, что в этих условиях нельзя представить никакое нормальное человеческое общежитие. Эта проблема («двойная контингентность»¹⁸) решается им посредством введения фактора интересубъективных нормативных ориентаций (Schimank, 1996: 84).

При этом нормативный порядок как бы предшествует у него порядку социальному в качестве его ценностной предпосылки: нормы первичны по отношению к действию, так что даже целерациональное действие невозможно представить вне норм, ценностей и иных культурных содержаний, которые интериоризируются акторами в процессе социализации как легитимные, рациональные и бесспорные. Как и у Дюркгейма, важную роль в парсоновской конструкции играет понятие институционализации: институты создают общественный порядок через общее для всех видение мира, выступая в качестве нормативных образцов или комплексов норм, предписывающих индивидам способы поведения. Предложенное Парсонсом нормативное решение для «Hobbesian problem of order», т. е. его ответ на вопрос о том, как возможен социальный порядок, в целом сводится к тезису, что интересубъек-

18. Ср.: «Суть проблемы двойной контингентности в следующем. Условием социальности является парадоксальный порядок, когда действия Ego обусловлены действиями или ожиданиями действий со стороны Alter Ego, в то время как Alter Ego в той же мере ориентирует свои действия на действия Ego. Эта двусторонняя зависимость существует одновременно, и ни одна из сторон не может действовать, если не знает, как действует другая. Чтобы определять свое поведение, каждый должен знать, как решает другой, но он может это знать, только когда знает, какое решение принимает он сам. Ego должно знать об Alter Ego то, чего то не знает о себе самом» (Назарчук, 2011: 157–165). Также см.: Luhmann, 2001: 10.

тивно значимые ценностные ориентации являются основным механизмом стабилизации социального порядка и общественной интеграции (Schneider, 2002: 292).

Таким образом, по Парсонсу, упорядоченная социальная жизнь становится возможной даже в условиях структурной неопределенности взаимных ожиданий акторов (двойной контингентности) благодаря постулированию признаваемого всеми ценностного порядка. В рамках этого подхода собственно проблематика сохранения порядка сводится к социально-дисциплинарной технике выявления конформного, или девиантного поведения, а теория общества выполняет скорее технологическую функцию фиксации и исправления нарушений нормативного консенсуса как условия общественного взаимопонимания и взаимодействия. Он считает нормативное решение более оптимальным, поскольку калькулируемая выгода или институциональное принуждение могут быть как стимулом к учреждению и поддержанию порядка, так и перманентной угрозой для него же. Напротив, интересубъективно разделяемая система ценностей, оказывая нормирующее влияние на выбор акторами средств достижения их эгоистических целей, делает возможным их стратегическое взаимодействие на реципрокной основе. Оно является стратегическим в том смысле, что действия других рассматриваются в качестве рамочных условий, к которым нужно точно так же адаптироваться, как и к другим условиям ситуации действия. Благодаря этому установленный фактическим образом порядок приобретает искомую долгосрочную стабильность (Ellis, 1971: 693).

Несмотря на характерную «социологичность» парсоновского ответа на Гоббсов вопрос, он также является объектом заслуженной критики, в основном связанной с непроясненным онтологическим статусом самой нормативной системы. Проблематичным в нем является прежде всего то, что нормы и ценности вводятся априорно как реальность *sui generis*, невыводимая из действий индивидов. Хотя Парсонс не ставил себе целью прояснение исторического генезиса норм, стабилизирующих фактический социальный порядок, тем не менее очевидно, что его аргумент структурно является тавтологическим описанием общества и порядка, когда эмпирический крах определенного порядка объясняется аномическим распадом ценностного консенсуса (Vanberg, 1975: 176–177).

В этом смысле дефицитарность его собственной версии решения проблемы социального порядка связана с постулированием существования внутри сообщества ценностной сферы, помогающей в лучшем случае объяснить сохранение стабильности социальных отношений, но никак не генезис гарантирующей их институциональной рамки коллективного действия. Более того, в рамках принятых Парсонсом концептуальных предпосылок сама аномия может описываться как порядок в беспорядке. К тому же вполне представимы ситуации, когда именно совместно разделяемые ценности приводили к разрушению порядка в результате всеобщего стремления к достижению одной определенной цели по модели игры с нулевой суммой (Ellis, 1971: 697).

Формулировка у Парсонса не конгруэнтна ни собственно постановке вопроса в «Левиафане», ни ответу самого Гоббса (государство как условие возможности общества) (Wagner, 1991: 115–123). Более того, как убедительно показал Н. Луман, парсоновская версия Гоббсовой проблемы вовсе не является такой уж радикальной, как принято считать. В этой связи Луман говорит о двух вариантах постановки вопроса о порядке: 1) традиционном, связанном с выдвиганием «симпатичных и полезных теорий» о том, что решение проблемы социального порядка заключается в предотвращении девиантного поведения и недопущении вредной активности, чтобы остальные члены сообщества посредством стабильных социальных отношений могли реализовывать себя, удовлетворять свои потребности и чувствовать себя комфортно и безопасно. Он выражает эту программу краткой формулой *pac et iustitia*, поскольку в качестве цели здесь постулируется безопасность, а в качестве средства полицейские меры поддержания порядка (*gute Polizei*). В рамках такого понимания фокус обращен на конституирование политико-правового порядка (Гоббс) или на ценностный консенсус как необходимую предпосылку для возникновения социальной системы (Парсонс). А поскольку подобные условия всегда в том или ином случае выполнены, подобный анализ оказывается лишь легитимацией существующего порядка, не затрагивающей всю глубину проблематики генезиса социального. В лучшем случае ограничиваются теориями эволюции или социализации. 2) Альтернативный подход сомневается в том, что принципиальная проблема конституирования социального порядка заключается в устранении того, что ему угрожает, или тех, кто не способен к нему адаптироваться. Здесь исследовательский интерес скорее направлен на то, насколько вообще он возможен и какова вероятность его установления. Исходным для второго подхода является вопрос об «условиях возможности», требующий более широких и одновременно более абстрактных концептуальных оснований. В радикализованной версии проблемы порядок предстает скорее невероятным, а ее решение связано для немецкого классика теории систем с двойной контингентностью: в ее условиях действия других становятся референтными для собственных действий акторов. Луман говорит об удивительном на первый взгляд парадоксе: удвоение невероятности ведет к вероятности и нормальности социального порядка (Luhmann, 1991: 164–166).

При этом Луман требует объяснения феномена порядка, а не его априорного постулирования в рамках социологических концепций, которые не нуждаются в социальном взаимодействии и коммуникации между акторами. Социальный порядок конституируется и без них посредством «интерсубъективности» в рамках ценностного нормативизма или рациональных правил в рамках рациональной логики «дилеммы заключенного». Для него главная проблема связана здесь с трудностью понимания того, как вообще возможен социальный порядок, тогда как «Парсонс охотно соотносился с той гипотезой естественного состояния, посредством которой Гоббс ставил проблему социального порядка; однако у того это было связано с политикой, а не с социальностью» (Luhmann, 1988: 21f.).

Таким образом, решение конститутивного для всей социологической традиции вопроса о возможности порядка осуществляется Парсонсом косвенно, по структурной аналогии с вопросом о генезисе политического порядка. В этом смысле его позиция также является политической, так как при решении проблемы порядка он не дает собственно ответа в рамках теории общества, направленного на социальность, а не политику (Wagner, 1991: 122).

Таким образом, даже, казалось бы, небольшие семантические модификации приводят к принципиальным различиям в социально-теоретической прагматике: так, в измененной теоретической перспективе Гоббсова проблема может быть переформулирована как проблема самого социального или как проблема современности и именно в этом смысле она является конститутивной для социологии как рефлексии Модерна.

Прочтение работ классиков социологии как попыток решения Гоббсовой проблемы

В фокусе внимания социально-научного мейнстрима Гоббсова проблема оказалась после того, как Парсонс сделал ее центральным вопросом своей теории действия и теории социальных систем. После этого она становится чуть ли не общим местом различных версий теории общества. С этого момента принято считать, что как минимум с середины XVII века вопрос об условиях стабилизации социальных отношений является сквозным для всей социально-теоретической рефлексии современности, конституирующим само предметное поле социологии как научной дисциплины. Уже для классиков социологии — от Маркса до Михельса — характерен интерес к относительно длительным и типическим способам действия и связанными с ними нормативными образцами стабильных социальных отношений, которые можно наблюдать не только в политическом пространстве, но и во всех контекстах социального взаимодействия. Таким образом, проблематика порядка — важнейший структурный элемент классической социологической исследовательской программы, предложившей собственные ответы на вопрос о механизмах кооперации и координации действий (формально) свободных акторов (Mauger, 1999: 14).

Как уже говорилось, смещение познавательного интереса с вопроса «Как возможен социальный порядок?», предполагающего ту или иную возможность позитивного ответа, на принципиально более неопределенное «Возможен ли социальный порядок?» открывает действительно широчайшее поле для теоретической рефлексии социально-политического опыта Модерна. Ведь тогда его эвристика направлена на сами регулярности социального действия современного типа. Другая возможность заключается в возвращении к формулировкам классиков социологии, например Г. Зиммеля: «Как возможно общество?» (Зиммель, 1996: 509–526),

которую Э. Гидденс считал единственно легитимной, в отличие от версии Парсонса¹⁹.

С конституированием в конце XIX — начале XX века социологии как отдельной научной дисциплины с собственным предметным полем и специфической концептуальной рамкой, вопрос социального порядка становится центральной проблемой социологической теории, провоцируя различные варианты ответа. Так, Эмиль Дюркгейм в своих работах эксплицитно тематизирует способы установления и поддержания порядка в обществах различного типа. При этом он дает типично социологический ответ на Гоббсов вопрос, указывая на то, что современное функционально дифференцированное общество поддерживает свою целостность через разделение труда и вытекающую из него «органическую» солидарность (Дюркгейм, 1996). В рамках данной модели интерсубъективно значимая мораль предшествует индивидуальным решениям, так что сохранение социального порядка объясняется скорее процессами, агрегированными на макроуровне, нежели индивидуальными решениями. Обобществление индивидов объясняется у Дюркгейма через посылку морального субъекта: наличие совместно разделяемых норм и ценностей обеспечивает ориентации в отношении того, что считается социально приемлемым или девиантным поведением. Эти укорененные в коллективном сознании представления носят для индивидов институциональный характер, поскольку осваиваются и усваиваются ими в процессе социализации вплоть до полной интериоризации²⁰.

Для Фердинанда Тённиса социальный порядок основан на взаимонаправленной воле акторов, вернее, на сущностной воле сообщества или избирательной воле общества, без которых невозможно никакое действие (Тённис, 2002: 9–10, 131). При этом рецепция его наследия представляет особый интерес для реконструкции истории проблемы порядка, поскольку «Общность и общество» является не только результатом интенсивного изучения Тённисом сочинений Гоббса, но и своеобразным ответом на его проблематику. В этом контексте дополнительную значимость приобретает и парсоновское прочтение работ Тённиса²¹.

Из отцов-основателей социологии именно Георг Зиммель сформулировал проблему социального порядка в эксплицитной форме вопроса «Как возможно общество?» — по аналогии со знаменитым вопросом Иммануила Канта о возможности знания о мире «Как возможно объективное знание?» (Зиммель, 1996). С помощью этой формулировки он выводит проблему порядка на новый уровень концептуализации, помещая в центр социально-теоретической рефлексии отношения

19. Ср.: «Важной задачей для социальных наук является решение „проблемы порядка“. Под этим я не имею в виду „Гоббсову проблему“, выявленную Парсонсом» (Giddens, 1987: 153).

20. Заимствованная у Дюркгейма идея «проникновения», или «пронизывания», впоследствии будет играть важную роль у Парсонса (Parsons, 1963: 82, 258f.). Норберт Элиас критически заметил по этому поводу, что «подобная метафора не может означать ничего иного, кроме наличия двух различных сущностей, которые сначала существуют по отдельности, а затем каким-то образом „проникают“ друг в друга» (Элиас, 2001: 13).

21. См. в этой связи: Gephart, 1982: 8, а также: Parsons, 1949[1937]: 686ff.; 1973: 151ff.

между индивидами, которые называет взаимодействиями или взаимовлияниями. В частности, он пытается прояснить, как возможны подобные интеракции между людьми, на основании которых формируется общество. Зиммель даже объявляет взаимодействие «мировым регулятивным принципом», поскольку «все каким-либо образом взаимодействует со всем», благодаря наличию разнонаправленных отношений между ними. Именно в этом смысле для него «общество — лишь название для суммы этих взаимовлияний» (Simmel, 1989: 131). Благодаря этим взаимоотношениям между индивидами оно собственно существует в качестве intersубъективного уровня взаимодействия²². Воздействие других и на других является для Зиммеля содержанием процесса обобществления, которое собственно и является основным предметом его программы исследования общества. В таком случае социальный порядок есть не что иное, как формы, силы и правила, посредством которых происходит обобществление людей. Тем самым подчеркивается процессуальный и реляционный характер любой социальной онтологии, т.е. общества как процесса обобществления индивидов. В этом смысле общество — «это не субстанция, не что-то в себе конкретное, а процесс, это функция претерпевания и влияния одного на судьбу и форму другого» (Simmel, 1984[1917]: 14).

У Вебера взаимодействия акторов также конститутивны для социального порядка: в своем классическом определении он понимает под социальным действие, ориентированное на прошлое, нынешнее или ожидаемое в будущем поведение других, подчеркивая тем самым реципрокный способ конституирования социального (Вебер, 2006б: 453–454). В веберовском понимании адекватная тематизация порядка возможна лишь в рамках теории действия, в которой структуры порядка анализируются вместе с формами господства. Опирающаяся на фундамент методологического индивидуализма понимающая социология Вебера предлагает модель объяснения, в которой порядок (регулярность социального действия) выводится из нормативных идей и представлений, реализуемых акторами в ходе преследования их целей. В этой оптике все социальные образования интерпретируются как формы упорядоченного социального действия: социальный порядок существует не сам по себе, а возникает из осмысленных действий акторов, действующих посредством определенных механизмов, одновременно являющихся механизмами (вос)производства социальности. Поскольку мотивы действий индивидов могут быть чрезвычайно разнообразными, лабильными и контингентными, для создания устойчивых социальных отношений необходима стабилизация ожиданий относительно действий других (Maurer, 1999: 65–68)?

В операционализированной форме вопрос «Как возможен социальный порядок?» приобретает здесь вид специфически социологической постановки пробле-

22. Зиммелевскому пониманию социального порядка как взаимодействия близка социология фигураций Н. Элиаса, для которой порядок не возникает непосредственно из действий людей и не является простой суммой последствий индивидуальных действий, а представляет собой сеть их взаимосвязей и взаимозависимостей. Как и у Зиммеля, включенность акторов в длинные цепи взаимодействия является для Элиаса рамочным условием самого социального, понимаемого как непрерывный динамичный процесс, а не как дискретное статичное состояние (Элиас, 2001: 35–45; Elias, 1970).

мы: как возможно, что люди могут настолько предсказывать действия других людей, что могут в своих действиях рассчитывать на подтверждение своих ожиданий в действиях и ожиданиях других акторов (Münch, 2004: 43).

Социальные отношения могут быть следствием привычки, традиции или экономических интересов, но лишь признание в качестве легитимного обеспечивает порядку устойчивость и долговременность. Таким образом, конституирование социального порядка является для Вебера проблематичным не (с)только из-за наличия конкурирующих интересов или ограниченности ресурсов, но из-за принципиальной контингентности мотивов индивидуальных действий. В рамках его модели порядок является одновременно и результатом, и предпосылкой действий акторов, которые связаны соответствующими представлениями о его фактической и нормативной значимости, т. е. легитимности и легальности. Ориентация на существующий порядок обеспечивает более высокие шансы на предсказуемость действий индивидов, связанных одними и теми же максимумами действия и верой в легитимность господства, нежели чисто экономические и иные утилитарные интересы:

Порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению (наиболее распространенный тип внутреннего отношения). Однако последний еще несравненно более лабилен, чем порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения, то есть чем порядок, обладающий «легитимностью». (Вебер, 2006б: 478)

Таким образом, взаимосвязь веры в легитимность с индивидуальными интересами, привычкой и аффектами обеспечивает устойчивость правил, которые позволяют «самим» акторам определять, какие действия являются допустимыми, рациональными или, напротив, запрещенными в той или иной ситуации. В результате возникает коллективно значимая институциональная гарантия ожиданий относительно будущих действий контрагентов, выступающая в роли структурного ограничения их произвола.

Вместо заключения

Интерес социологии к порядку общества, как и интерес естествознания к порядку в природе, направлен на выявление структурных закономерностей. И было бы ошибочно принимать его за стремление к сохранению существующих общественных порядков, поскольку его мотивы не имеют отношения к защите конкретных правил и норм. Эвристически этот интерес заключается прежде всего в определении условий становления и продолжительного существования порядка, в выяснении его возможных форм, например, в различении фактического и нормативного

порядка, а также в прояснении конфигурации, в которой находятся автономные индивиды, создающие своими взаимоотношениями устойчивые регулярности действия. В этом смысле внимание современной социальной теории к реципрокному взаимодействию акторов отличается от подходов, исследующих эмпирически случайные, насильственные или идеальные формы порядка. Социологическая оптика, ориентированная на теорию действия в веберовском смысле, рассматривает порядок как регулярность, позволяющую ожидать определенных действия в определенных условиях на основании принадлежности индивидов к сообществу действия, разделяющему общий жизненный мир и нормативную систему правил, легитимированных целерациональным образом в рамках дискурса политического Модерна (Münch, 2004: 55).

В этом смысле формулировка Парсонсом Гоббсовой проблемы является продолжением длительной интеллектуальной традиции тематизации порядка как остро актуального в условиях Модерна вопроса как для социальной теории, так и политической практики. И сегодня в еще меньшей степени, чем в период формирования канона социологической классики, есть основания полагать, что эта проблема может быть окончательно решена или снята с теоретической или общественной повестки дня. Распад государственности современного типа, наблюдаемый в начале XXI века в одних регионах мира, внутренняя деградация казавшихся устойчивыми режимов в других, широкая делегитимация вполне успешных политических образований, общая ремилитаризация мировой политики, глобальная реприватизация насилия и прочие малосимпатичные феномены «до-Гоббсова» состояния делают вновь релевантным, казалось бы, давно решенный политическим Модерном вопрос об условиях стабильности порядка.

Социальный порядок является эвристической исходной точкой знания современного общества о себе — и в качестве центральной проблемы политической стабилизации форм совместной жизни людей, и в форме вопроса об эффективности нормативных механизмов, и как более широкая тема социальной теории, связанная с прояснением природы социального как такового. При этом в различные периоды в социально-философских и социологических дискуссиях доминировали вопросы условий установления и поддержания порядка, социальная функциональность политической власти как оператора порядка, а также вопрос издержек господства. Понятно, что в результате подобного привилегирования тематики стабильности значительно меньше внимания обращалось на различные виды дисфункциональности, экстерналии и иные непреднамеренные социальные последствия самого порядка. Несмотря на неравномерность разработанности тех или иных аспектов проблемы порядка в рамках традиции современной социальной теории, она по-прежнему остается центральным эвристическим элементом рефлексии обществ Модерна о самих себе. Критическая реконструкция и расширение классической программы исследований социального порядка может стать ценным эвристическим ресурсом для продуктивного социологического теоретизирования по поводу регулярностей социального действия.

Литература

- Вебер М. (2006а). Предварительные замечания / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН. С. 7–18.
- Вебер М. (2006б). Основные социологические понятия / Пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН. С. 453–484.
- Гегель Г. В. Ф. (1990). Философия права / Пер. с нем. Б. Г. Столшнера, М. И. Левиной. М.: Мысль.
- Гоббс Т. (2001). Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Пер. с англ. А. Гутермана. М.: Мысль.
- Дюркгейм Э. (1996). О разделении общественного труда / Пер. с франц. А. Б. Гофмана. М.: Канон+.
- Зиммель Г. (1996). Как возможно общество? / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова // Зиммель Г. Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист. С. 509–526.
- Кант И. (1994а). Критика практического разума / Пер. с нем. М. В. Соколова // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 4. М.: Чоро. С. 373–565.
- Кант И. (1994б). О поговорке «Может, это и верно в теории, но не годится для практики» / Пер. с нем. Н. Вельденберга // Кант И. Собрание сочинений в 8-ми тт. Т. 8. М.: Чоро. С. 158–204.
- Кильдюшов О. В. (2007). «Невидимая рука» и «хитрость разума»: классическая версия парадокса непреднамеренных последствий // Логос. № 5. С. 21–53.
- Кильдюшов О. В. (2013). Полиция как наука и политика: о рождении современного порядка из философии и полицейской практики // Социологическое обозрение. Т. 12. № 3. С. 9–40.
- Кильдюшов О. В. (2014). Мишель Фуко как исследователь «полицейского государства»: программа, эвристические проблемы, перспективы изучения // Социологическое обозрение. Т. 13. № 3. С. 9–32.
- Конт О. (2011). Дух позитивной философии: слово о положительном мышлении / Пер. с франц. И. А. Шапиро. М.: URSS.
- Корбут А. М. (2013). Гоббсова проблема и два ее решения: нормативный порядок и ситуативное действие // Социология власти. № 1-2. С. 9–26.
- Локк Дж. (1988). Два трактата о правлении / Пер. с англ. Е. С. Лагутина, А. Л. Субботина, Ю. В. Семенова // Локк Дж. Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М.: Мысль. С. 135–405.
- Назарчук А. В. (2011). Идея коммуникации и новые философские понятия XX века // Вопросы философии. № 5. С. 157–166.
- Руссо Ж.-Ж. (2013). Общественный договор, или Начала политического права / Пер. с франц. С. В. Занина // Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб.: Росток. С. 116–239.
- Тённис Ф. (2002). Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль.

- Филиппов А. Ф. (2011). Несколько тезисов о действии, порядке и полицейском государстве // Сократ. № 3. С. 6–11.
- Филиппов А. Ф. (2012). Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. № 2. С. 328–340.
- Элиас Н. (2001). О процессе цивилизации. Т. 1 / Пер. с нем. А. М. Руткевича. М.; СПб.: Университетская книга.
- Abels H. (2004). Einführung in die Soziologie. Band 1: Der Blick auf die Gesellschaft. Wiesbaden: VS Verlag.
- Alexander J. C. (1982). Theoretical Logic in Sociology. Vol. 1: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies. Berkeley: University of California Press.
- Anter A. (2007). Macht der Ordnung: Aspekte einer Grundkategorie des Politischen. Tübingen: Mohr.
- Barth H. (1958). Die Idee der Ordnung. Erlenbach: Rentsch.
- Brock D., Junge M., Krähnke U. (2002). Soziologische Theorien von Auguste Comte bis Talcott Parsons. München: Oldenburg.
- Cohen P. S. (1968). Modern Social Theory. London: Heinemann.
- Elias N. (1970). Was ist Soziologie? München: Juventa.
- Ellis D. P. (1971). The Hobbesian Problem of Order: A Critical Appraisal of the Normative Solution // American Sociological Review. Vol. 36. № 4. P. 692–703.
- Eisenstadt Sh. N., Curelaru M. (1976). The Form of Sociology: Paradigms and Crises. New York: John Wiley & Sons.
- Feldmann H. (1999). Ordnungstheoretische Aspekte der Institutionenökonomik. Berlin: Duncker & Humblot.
- Gephart W. (1982). Soziologie im Aufbruch: Zur Wechselwirkung von Durkheim, Schaffle, Tönnis und Simmel // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. № 34. S. 1–25.
- Gerecke U. (1998). Soziale Ordnung in der modernen Gesellschaft. Tübingen: Mohr.
- Giddens E. (1987). Social Theory and Modern Sociology. Cambridge: Polity Press.
- Heller H. (1992). Der Sinn der Politik // Heller H. Gesammelte Schriften. Bd. 1 / Hrsg. von Ch. Müller. Tübingen: Mohr. P. 431–435.
- Hesse K. (1999). Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland. Heidelberg: C. F. Müller.
- Kersting W. (2002). Thomas Hobbes. Hamburg: Junius Verlag.
- Kuhn H., Wiedmann F. (Hrsg.). (1962). Das Problem der Ordnung: VI Deutscher Kongress für Philosophie. Meisenheim am Glan: A. Hain.
- Kuntz P. G. (1968). Introduction // Kuntz P. G. (ed.). The Concept of Order. Seattle: University of Washington Press. P. ix–xxxix.
- Leipold H. (1989). Das Ordnungsproblem in der ökonomischen Institutionentheorie // ORDO. Bd. 40. S. 129–146.
- Leipold H., Pies I. (Hrsg.). (2000). Ordnungstheorie und Ordnungspolitik: Konzeptionen und Entwicklungsperspektiven. Stuttgart: Lucius & Lucius.

- Luhmann N.* (1981). *Wie ist soziale Ordnung möglich?* // *Luhmann N.* *Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft.* Bd. 2. Frankfurt am Main: Suhrkamp. P. 195–285.
- Luhmann N.* (1988). *Arbeitsteilung und Moral: Durkheimstheorie* // *Durkheim E.* *Über soziale Arbeitsteilung.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 17–35.
- Luhmann N.* (1991). *Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Luhmann N.* (2001). *Vorbemerkungen zu einer Theorie sozialer Systeme?* // *Luhmann N.* *Aufsätze und Reden.* Stuttgart: Reclam. S. 7–30.
- Maurer A.* (1999). *Herrschaft und soziale Ordnung: Kritische Rekonstruktion und Weiterführung der individualistischen Theorettradition.* Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Michels R.* (1970). *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens.* Stuttgart: Alfred Kröner.
- Münch R.* (1996). *Das Problem der Ordnung* // *Berliner Journal für Soziologie.* № 6. S. 127–133.
- Münch R.* (1999). *Talcott Parsons* // *Keasler D.* (Hrsg.). *Klassiker der Soziologie.* Bd. 2: Von Talcott Parsons bis Pierre Bourdieu. München: Beck. S. 24–50.
- Münch R.* (2004). *Soziologische Theorie.* Bd. 3: *Gesellschaftstheorie.* Frankfurt am Main: Campus.
- Münkler H.* (2001). *Thomas Hobbes.* Frankfurt am Main: Campus.
- Parsons T.* (1949[1937]). *The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers.* Glencoe: Free Press.
- Parsons T.* (1963). *Social Structure and Personality.* Glencoe: Free Press.
- Parsons T.* (1968). *Order as a Social Problem* // *Kuntz P. G.* (ed.) *The Concept of Order.* Seattle: University of Washington Press. P. 373–384.
- Parsons T.* (1973). *Some Afterthoughts on «Gemeinschaft and Gesellschaft»* // *Cahnmann W. J.* (ed.). *Ferdinand Tönnis: A New Evaluation. Essays and Documents.* Leiden: E. J. Brill. P. 151–159.
- Simmel G.* (1984[1917]). *Grundfragen der Soziologie: Individuum und Gesellschaft.* Berlin: Walter de Gruyter.
- Simmel G.* (1989). *Über soziale Differenzierung* // *Simmel G.* *Gesamtausgabe.* Bd. 2 / Hrsg. von H.-J. Dahme. Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 109–295.
- Schimank U.* (1996). *Theorien gesellschaftlicher Differenzierung.* Opladen: Leske & Budrich.
- Schneider W. L.* (2002). *Grundlagen der Soziologischen Theorie.* Bd. 1: *Weber — Parsons — Mead — Schütz.* Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Tönnies F.* (1896). *Hobbes Leben und Lehre.* Stuttgart: Friedrich Fromanns Verlag.
- Vanberg V.* (1975). *Die zwei Soziologien: Individualismus und Kollektivismus in der Sozialtheorie.* Tübingen: Mohr Siebeck.

- Voegelin E. (1988). *Ordnung, Bewußtsein, Geschichte: Späte Schriften — eine Auswahl*. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Voegelin E. (2001–2005). *Ordnung und Geschichte*. München: Wilhelm Fink.
- Voegelin E. (2004). *Ordnung und Geschichte*. Bd. 10: *Auf der Suche nach Ordnung*. München: Wilhelm Fink.
- Wagner G. (1991). Parsons, Hobbes und das Problem sozialer Ordnung: Eine theoriegeschichtliche Notiz in systematischer Absicht // *Zeitschrift für Soziologie*. Jg. 20. Heft 2. S. 115–123.
- Weber M. (1988[1920–1921]). Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen // *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*. Bände 1–3. Tübingen: Mohr.
- Wrong D. H. (1994). *The Problem of Order: What Unites and Divides Society*. New York: Free Press.

The Problem of Social Order (a Hobbesian Problem): Towards the Heuristics and Pragmatics of the Constitutive Question of Contemporary Social Theory

Oleg Kildyushov

Researcher, Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics
Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

The paper takes the problem of social order or the conditions of the possibility of modern society that consists of a multitude of rational actors who pursue their private interests while frequently having opposing goals into consideration. The paper demonstrates that the problem in question, also known as a Hobbesian problem, has been transmitted to the center of the discourse of social science long ago since being formulated for the first time in 1651 by Thomas Hobbes in his famous *Leviathan*. The solution of the problem of social order as proposed by Hobbes, consisting in the recognition of the necessity to constitute a dominant political authority, i.e., the state which is capable of maintaining stable social relations, caused an intensive theoretical debate that continues to this day. Social theorists have proposed a large variety of answers to the question posed by Hobbes, but none can be considered as final or comprehensive. The paper makes an attempt to reconstruct various theoretical and methodological approaches to the problem of social order, from the solution proposed by Hobbes (including its reformulation by Talcott Parsons) to the analytical concepts of social order elaborated by contemporary thinkers belonging to different theoretical orientations. The article makes the conclusion that translating the old problem of classical political philosophy of modernity into the language of actual contemporary social theory allows the problematization of the heuristic foundations of political discourse of modernity by operationalizing its key concept.

Keywords: social order, theory of society, regular character of social action, social integration, modernity, Thomas Hobbes, Talcott Parsons, Max Weber

References

- Abels H. (2004) *Einführung in die Soziologie, Band 1: Der Blick auf die Gesellschaft*, Wiesbaden: VS Verlag.
- Alexander J. C. (1982) *Theoretical Logic in Sociology, Vol. 1: Positivism, Presuppositions, and Current Controversies*, Berkeley: University of California Press.
- Anter A. (2007) *Macht der Ordnung: Aspekte einer Grundkategorie des Politischen*, Tübingen: Mohr.
- Barth H. (1958) *Die Idee der Ordnung*, Erlenbach: Rentsch.
- Brock D., Junge M., Krähnke U. (2002) *Soziologische Theorien von Auguste Comte bis Talcott Parsons*, München: Oldenbourg.
- Cohen P. S. (1968) *Modern Social Theory*, London: Heinemann.
- Comte A. (2011) *Duh pozitivnoj filosofii: slovo o polozhitel'nom myshlenii* [The Spirit of Positive Philosophy: A Word about Positive Thinking], Moscow: URSS.
- Durkheim E. (1996) *O razdelenii obshhestvennogo truda* [On the Division of Labour in Society], Moscow: Kanon.
- Eisenstadt Sh. N., Cúrelaru M. (1976) *The Form of Sociology: Paradigms and Crises*, New York: John Wiley & Sons.
- Elias N. (1970) *Was ist Soziologie?*, München: Juventa.
- Elias N. (2001) *O processe civilizacii. T. 1* [On the Process of Civilisation, Vol. 1], Moscow: Universitetskaja kniga.
- Ellis D. P. (1971) The Hobbesian Problem of Order. *American Sociological Review*, vol. 36, no 4, pp. 692–703.
- Feldmann H. (1999) *Ordnungstheoretische Aspekte der Institutionenökonomik*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Filippov A. (2011) Neskol'ko tezisev o dejstvii, porjadke i policejskom gosudarstve [Several Theses on Action, Order and Police State]. *Sokrat*, no 3, pp. 6–11.
- Filippov A. (2012) Policejskoe gosudarstvo i vseobshhee blago: k istorii odnoj ideologii. Stat'ja pervaja [Police State and The Common Good: Toward the History of an Ideology. First Article]. *Otechestvennye zapiski*, no 2, pp. 328–340.
- Gephart W. (1982) Soziologie im Aufbruch: Zur Wechselwirkung von Durkheim, Schäffle, Tönnis und Simmel. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, no 34, pp. 1–25.
- Gerecke U. (1998) *Soziale Ordnung in der modernen Gesellschaft*, Tübingen: Mohr.
- Giddens E. (1987) *Social Theory and Modern Sociology*, Cambridge: Polity Press.
- Hegel G. W. F. (1990) *Filosofija prava* [The Philosophy of Right], Moscow: Mysl.
- Heller H. (1992) Der Sinn der Politik. *Gesammelte Schriften, Vol. 1*, Tübingen: Mohr, pp. 431–435.
- Hesse K. (1999) *Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland*, Heidelberg: C. F. Müller.
- Hobbes T. (2001) *Leviafan, ili Materija, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or The Matter, Form and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil], Moscow: Mysl.
- Kant I. (1994). Kritika praktičeskogo razuma [The Critique of Practical Reason]. *Sobranie sočinenij. T. 4* [Collected Works, Vol. 4], Moscow: Choro, pp. 373–565.
- Kant I. (1994) O pogovorke "Mozhet jeto i verno v teorii, no ne goditsja dlja praktiki" [On the Common Saying: That May Be Correct in Theory, but It Is of No Use in Practice]. *Sobranie sočinenij. T. 8* [Collected Works, Vol. 8], Moscow: Choro, pp. 158–204.
- Kersting W. (2002) *Thomas Hobbes*, Hamburg: Junius Verlag.
- Kildyushov O. (2007) "Nevidimaja ruka" i "hitrost' razuma": klassičeskaja versija paradoksa neprednamerennyh posledstvii [The "Invisible Hand" and "Cunning of Reason": The Classic Version of the Paradox of Unintended Consequences]. *Logos*, no 5, pp. 21–53.
- Kildyushov O. (2013) Policija kak nauka i politika: o rozhdenii sovremenno go porjadka iz filosofii i policejskoj praktiki [Police as the Science and Politics: The Birth of The Modern Order of the Philosophy and Practice of Policing]. *Russian Sociological Review*, vol. 12, no 3, pp. 9–40.
- Kildyushov O. (2014) Mishel' Fuko kak issledovatel' "policejskogo gosudarstva": programma, jevrističeskie problemy, perspektivy izučenija [Michel Foucault as a Researcher of "Police

- State": a Research Program, Heuristic Problems and Prospects of Studying]. *Russian Sociological Review*, vol. 13, no 3, pp. 9–32.
- Korbut A. (2013) Gobbsova problema i dva ee reshenija: normativnyj porjadok i situativnoe dejstvie [Hobbes' Problem and Its Two Solutions: Normative Order and Situated Action]. *Sociology of Power*, no 1–2, pp. 9–26.
- Kuhn H., Wiedmann F. (Hrsg.) (1962) *Das Problem der Ordnung: VI Deutscher Kongress für Philosophie*, Meisenheim am Glan: A. Hain.
- Kuntz P. G. (1968) Introduction. *The Concept of Order*, Seattle: University of Washington Press, pp. ix–xxxix.
- Leipold H. (1989) Das Ordnungsproblem in der ökonomischen Institutionentheorie. *ORDO*, vol. 40, pp. 129–146.
- Leipold H., Pies I. (Hrsg.) (2000) *Ordnungstheorie und Ordnungspolitik: Konzeptionen und Entwicklungsperspektiven*, Stuttgart: Lucius & Lucius.
- Locke J. (1988) Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. *Sochinenija*. T. 3 [Collected Works, Vol. 3], Moscow: Mysl, pp. 135–405.
- Luhmann N. (1981) Wie ist soziale Ordnung möglich?. *Gesellschaftsstruktur und Semantik: Studien zur Wissenssoziologie der modernen Gesellschaft*, Vol. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 195–285.
- Luhmann N. (1988) Arbeitsteilung und Moral: Durkheimstheorie. Durkheim E., *Über soziale Arbeitsteilung*, Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 17–35.
- Luhmann N. (1991) *Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Luhmann N. (2001) Vorbemerkungen zu einer Theorie sozialer Systeme?. *Aufsätze und Reden*, Stuttgart: Reclam, pp. 7–30.
- Maurer A. (1999) *Herrschaft und soziale Ordnung: Kritische Rekonstruktion und Weiterführung der individualistischen Theorietradition*, Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Michels R. (1970) *Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie: Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens*, Stuttgart: Alfred Kröner.
- Münch R. (1996) Das Problem der Ordnung. *Berliner Journal für Soziologie*, no 6, pp. 127–133.
- Münch R. (1999) Talcott Parsons. *Klassiker der Soziologie*, Vol. 2: *Von Talcott Parsons bis Pierre Bourdieu* (ed. D. Keasler), München: Beck, pp. 24–50.
- Münch R. (2004) *Soziologische Theorie*, Vol. 3: *Gesellschaftstheorie*, Frankfurt am Main: Campus.
- Münkler H. (2001) *Thomas Hobbes*, Frankfurt am Main: Campus.
- Nazarchuk A. (2011) Ideja kommunikacii i novye filosofskie ponjatija XX veka [The Idea of Communication and New Philosophical Concepts of 20th Century]. *Voprosy filosofii*, no 5, pp. 157–166.
- Parsons T. (1949) *The Structure of Social Action: A Study in Social Theory with Special Reference to a Group of Recent European Writers*, Glencoe: Free Press.
- Parsons T. (1963) *Social Structure and Personality*, Glencoe: Free Press.
- Parsons T. (1968) Order as a Social Problem. *The Concept of Order* (ed. P. G. Kuntz), Seattle: University of Washington Press, pp. 373–384.
- Parsons T. (1973) Some Afterthoughts on "Gemeinschaft and Gesellschaft". Cahnmann W. J. (ed.), *Ferdinand Tönnies: A New Evaluation. Essays and Documents*, Leiden: E. J. Brill, pp. 151–159.
- Rousseau J.-J. (2013) Obshhestvennyj dogovor, ili Nachala politicheskogo prava [The Social Contract; or, Principles of Political Right]. *Politicheskie sochinenija* [Political Writings], Saint Petersburg: Rostok, pp. 116–239.
- Schimank U. (1996) *Theorien gesellschaftlicher Differenzierung*, Opladen: Leske & Budrich.
- Schneider W. L. (2002) *Grundlagen der Soziologischen Theorie*, Vol. 1: *Weber — Parsons — Mead — Schütz*, Wiesbaden: Westdeutscher Verlag.
- Simmel G. (1984) *Grundfragen der Soziologie: Individuum und Gesellschaft*, Berlin: Walter de Gruyter.
- Simmel G. (1989) Über soziale Differenzierung. *Gesamtausgabe*, Vol. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 109–295.
- Simmel G. (1996) Kak vozmozhno obshhestvo? [How is Society Possible?]. *Izbrannoe*. T. 2 [Selected Writings, Vol. 2], Moscow: Jurist, pp. 509–526.
- Tönnies F. (1896) *Hobbes Leben und Lehre*, Stuttgart: Friedrich Frommanns Verlag.

- Tönnies F. (2002) *Obsshnost' i obshhestvo* [Community and Society], Saint Petersburg: Vladimir Dal.
- Vanberg V. (1975) *Die zwei Soziologien: Individualismus und Kollektivismus in der Sozialtheorie*, Tübingen: Mohr Siebeck.
- Voegelin E. (1988) *Ordnung, Bewußtsein, Geschichte: Späte Schriften — eine Auswahl*, Stuttgart: Klett-Cotta.
- Voegelin E. (2001–2005) *Ordnung und Geschichte*, München: Wilhelm Fink.
- Voegelin E. (2004) *Ordnung und Geschichte, Vol. 10: Auf der Suche nach Ordnung*, München: Wilhelm Fink.
- Wagner G. (1991) Parsons, Hobbes und das Problem sozialer Ordnung: Eine theoriegeschichtliche Notiz in systematischer Absicht. *Zeitschrift für Soziologie*, vol. 20, no 2, pp. 115–123.
- Weber M. (1988) Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, Tübingen: Mohr.
- Weber M. (2006) Predvaritel'nye zamechanija [Preliminary Remarks]. *Izbrannoe: protestantskaja etika i duh kapitalizma* [Selected Writings: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Moscow: ROSSPEN, pp. 7–18.
- Weber M. (2006) Osnovnyye sociologicheskie ponjatija [Basic Sociological Terms]. *Izbrannoe: protestantskaja jetika i duh kapitalizma* [Selected Writings: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism], Moscow: ROSSPEN, pp. 453–484.
- Wrong D. H. (1994) *The Problem of Order: What Unites and Divides Society*, New York: Free Press.